

*Там,
где
цветёт
Аконит*

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

Там, где цветёт Аконит

«Автор»

2026

Патрушев С.

Там, где цветёт Аконит / С. Патрушев — «Автор», 2026

Бывший майор спецназа Марк Воронов давно не верит ни в справедливость, ни в людей. Его мир сузился до пыльного офиса, долгов и одного-единственного страха — потерять дочь, умирающую от редкой болезни. Когда влиятельный застройщик предлагает баснословный гонорар за расследование смерти партнера, Марк соглашается не раздумывая: деньги спасут Алису. Убитый магнат отравлен аконитом. В мертвой руке зажат лепесток розы, которой не существует в природе. След ведет в закрытый Ботанический сад «Эдем» — царство ядовитых растений, мрачных тайн и его хозяйки Аси, девушки, которая разговаривает с папоротниками и знает о смерти больше, чем любой патологоанатом. Они — антагонисты с первой встречи. Он — циничный «танк», привыкший давить. Она — колючий гений, для которого цветы дороже людей. Но когда яд начинает убивать снова, а под землей пробуждается секрет блокадного Ленинграда, способный уничтожить целый город, им приходится стать союзниками.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аконит для чиновника	5
Глава 2. Девушка, которая разговаривает с растениями	14
Глава 3. Отравленная пыльца	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Там, где цветёт Аконит

Глава 1. Аконит для чиновника

Затхлый воздух офиса бывшего майора Марка Воронова имел свой собственный, ни с чем не сравнимый букет. Он был сложным, многослойным, как дорогой, но безнадежно испорченный парфюм, в котором благородные ноты давно уступили место гнилой основе. Этот запах складывался годами, впитываясь в каждую пору деревянных панелей, в каждую нитку вытертого ковра, в каждую страницу пыльных папок, громоздившихся на стеллажах. Основу его составляла пыль — не та легкая, бытовая пыль, которую можно стереть влажной тряпкой, а тяжелая, архивная, въевшаяся в обивку продавленного кресла еще при прошлом президенте, а может, и при позапрошлом. К ней примешивался кисловатый дух растворимого кофе, самого дешевого, из тех, что продаются в пакетиках по три в одной упаковке, который экономка заваривала исключительно по большим праздникам вроде визита потенциального клиента. Но самым мерзким, самым невыносимым был третий компонент — медицинский, больничный, химически-стерильный, который неумолимо сочился из папки с анализами, лежащей в ящике стола под замком.

Этот запах Марк ненавидел больше всего. Он пропитывал его одежду, его руки, его мысли. Он напоминал ему не о войне, не о Чечне, не о бесчисленных командировках в горячие точки, не о двух пулевых ранениях, превративших его правое предплечье в карту звездного неба из шрамов. Он напоминал ему о бесконечных очередях в частные лаборатории, где сияющие чистотой коридоры пахли точно так же — смесью хлорки, латекса и отчаяния. О цифрах на ценниках лекарств с таким количеством нулей, что в глазах темнело. О тихом, покорном голосе Алисы, когда она говорила: «Папа, не надо, мне уже лучше», хотя он видел, как ей плохо, видел эту проклятую синеву под ее глазами, которая становилась все глубже с каждым месяцем.

Он сидел, откинувшись на спинку кресла, которое жалобно скрипело при каждом движении, и смотрел в потолок. Желтое пятно от протечки, расплзшееся по штукатурке, напоминало контур какого-то острова — то ли Крит, то ли Сицилия, он точно не помнил, да и какая разница. Острова, на которые ему никогда не попасть. Ему было сорок пять, но чувствовал он себя на все шестьдесят. Жизнь, разделившаяся на «до» и «после» восемь лет назад, когда его Алиса, его маленькая девочка с косичками цвета спелой пшеницы и смехом, похожим на серебряный колокольчик, вдруг начала угасать на глазах, превратила его из боевого офицера, майора спецназа ГРУ, в загнанного в угол волка. Увольнение из рядов вооруженных сил по состоянию здоровья — формулировка «в связи с невозможностью выполнения оперативных задач» — жалкая пенсия по инвалидности, которую съедали коммунальные платежи, и призрачная лицензия частного детектива, выданная словно в насмешку, — вот и весь его арсенал против беды, имя которой было длинным, латинским и абсолютно безжалостным к детскому организму. Системная красная волчанка с поражением почек. Приговор, который можно обжаловать только за очень большие деньги. Деньги, которых у Марка не было и никогда не предвиделось.

Звонок в дверь раздался неожиданно, резко ворвавшись в тишину, нарушаемую лишь мерным тиканьем настенных часов, которые Марк забывал заводить, и они показывали без двадцати четыре уже третий год подряд. Он не ждал гостей. Клиенты в последнее время обхо-

дили его контуры стороной: кому нужен угрюмый детектив с вечно двухдневной, а то и трехдневной щетиной, с сединой, пробивающейся на висках, как иней на осенней траве, с тяжелым взглядом, способным заморозить воду в стакане, когда вокруг полно глянцевого агентств с улыбочными менеджерами, буклетами и кофемашинами в приемных? Он нехотя поднялся, чувствуя, как хрустнули колени — наследие давнего прыжка с парашютом, когда стропы запутались и пришлось жестко приземляться на мерзлую землю, — и пошел открывать, даже не взглянув в глазок. Если бы это был кредитор или коллектор, он бы просто не открыл. Но интуиция, старая боевая подруга, молчала, а значит, опасности не было.

На пороге стоял человек, которого Марк моментально классифицировал как «дорогой костюм с тревогой внутри». Это была его собственная система, выработанная за годы оперативной работы: оценивать не внешность, а состояние. Идеально скроенный итальянский пиджак цвета мокрого асфальта сидел на посетителе как влитой, облекая плечи и грудь с той непринужденной элегантностью, которая достигается только индивидуальным пошивом у портного, чьи услуги стоят как подержанная иномарка. Запонки тускло поблескивали платиной и, кажется, мелкими бриллиантами, а кожаный портфель в руке, судя по едва заметному логотипу, стоил больше, чем весь этот офис вместе с мебелью, долгами за коммуналку и самим Марком в придачу. Но лицо... Лицо у посетителя было серым, несмотря на явные следы недавнего загара — того ровного, золотистого оттенка, который бывает только после недели на частной яхте где-нибудь в Средиземном море. Под глазами залегли глубокие тени, а кожа вокруг рта собралась в жесткие складки. Он напоминал человека, который только что увидел призрака и теперь пытается убедить себя, что это была игра света. Или человека, который не спит третьи сутки, потому что боится закрыть глаза.

— Марк Александрович Воронов? — голос был глухим, без интонаций. Не вопрос — утверждение. Так говорят люди, привыкшие, что их информация всегда точна.

— Допустим, — Марк не сделал приглашающего жеста, продолжая загораживать собой проход. Он стоял, опираясь плечом о дверной косяк, и его фигура в полумраке коридора казалась особенно массивной, угрожающей. Старая привычка: всегда занимать доминирующую позицию.

— Меня зовут Аркадий Семенович Штерн. Я представляю интересы строительного холдинга «Град-Инвест». Думаю, вы слышали о нас. Можно войти? Разговор конфиденциальный и, уверяю вас, взаимовыгодный.

Слово «взаимовыгодный» заставило Марка посторониться. Не потому, что он поверил в альтруизм незнакомца, а потому, что это слово в его положении звучало как спасательный круг, брошенный утопающему. В конце концов, что он терял, кроме времени, которого у него с избытком? Он пропустил Штерна в кабинет, указал на стул для посетителей — единственный, который не шатался, потому что Марк лично подложил под ножку сложенную в несколько раз картонку, — и вернулся в свое кресло. Сел, сложил руки на столе, испещренном царапинами и кругами от горячих чашек, и приготовился слушать. Он не предлагал кофе, не пытался быть любезным, не изображал радушного хозяина. Его роль — слушать и оценивать, насколько велика будет сумма в чеке и насколько грязной — работа. Все остальное было неважно. Светские ритуалы, обмен любезностями, дежурные вопросы о погоде — все это он оставил в прошлой жизни, когда еще носил погоны и посещал протокольные мероприятия.

Штерн аккуратно пристроил портфель на коленях, но открывать не спешил. Вместо этого он обвел взглядом убогую обстановку офиса, и на его холеном лице мелькнуло что-то похожее на брезгливое сочувствие — смесь жалости и легкого отвращения, как у человека, случайно

заглянувшего в чужую, гораздо менее успешную жизнь. Марк знал, как все выглядит со стороны. Облезлые обои, местами отклеившиеся по швам. Слепое окно, выходящее в кирпичную стену соседнего здания, на которой кто-то намалевал черной краской нецензурное слово из трех букв. Календарь за прошлый год на стене с фотографией горного озера, которое должно было символизировать покой и умиротворение, но вызывало только глухое раздражение. Не лучшая реклама для детективного агентства. Но Штерн, судя по всему, пришел не за антуражем. Ему было плевать на обои. Ему нужен был Марк, и это означало, что дело дрянь. К таким, как Марк, обращаются только тогда, когда все остальные варианты исчерпаны, а проблема слишком деликатна для официальных инстанций.

— Я буду прям, Воронов, — начал он, доставая из портфеля тонкую пластиковую папку, но не раскрывая ее. — Я не собираюсь ходить вокруг да около, ценить ваше время и мое тоже. У нас произошло... событие. Крайне неприятное, я бы даже сказал, катастрофическое по своим потенциальным последствиям. Скоростижно скончался один из ключевых инвесторов нашего последнего проекта, элитного жилого комплекса «Сады Версаля». Слышали о таком?

— Нет, — честно ответил Марк. Он не интересовался элитной недвижимостью. Его потолком была ипотека за эту конуру, которую он называл офисом, и та трещала по швам, грозя перерасти в просрочку и судебные иски. Все эти «Сады Версаля», «Дворцы Монако» и «Башни Манхэттена» существовали в параллельной вселенной, куда ему вход был заказан.

— Неважно, — Штерн дернул уголком рта, то ли раздраженно, то ли просто от тика. — Этого человека звали Глеб Игоревич Морозов. Запомните это имя. Оно будет ключевым в вашем расследовании. Ему было пятьдесят два года. Прекрасное здоровье, регулярные чекапы в лучших клиниках Европы — он летал в Швейцарию дважды в год, сдавал все мыслимые и немыслимые анализы. Личный тренер, трижды в неделю, без пропусков. Диетолог, составлявший ему меню на месяц вперед с учетом всех микронутриентов и калорий. Он был помешан на здоровом образе жизни в той степени, в какой это вообще возможно для человека его уровня. Два дня назад, в понедельник, его нашли мертвым в пентхаусе «Садов Версаля», который он же и выкупил первым, еще на этапе котлована, даже до начала строительства. Официально объявленная причина — острая сердечная недостаточность. Обширный инфаркт миокарда, мгновенная смерть, практически без мучений. Врачи «Скорой» констатировали смерть, полиция оформила протокол, тело отправили в морг. Все чисто, гладко, без сучка и задоринки.

Марк молчал, переваривая информацию. Внутренний детектор лжи, выработанный годами оперативной работы, показывал, что чистота эта — липовая. Слишком уж аккуратно, слишком уж гладко, как прилизанный отчет, из которого убрали все шероховатости. С чего бы представителю холдинга нанимать частного детектива, если полиция уже поставила точку? Значит, есть нюансы. Всегда есть нюансы, которые богатые люди не хотят доверять официальному следствию или которые могут бросить тень на их бизнес. И значит, Морозов был не просто инвестором, а кем-то гораздо более важным. Держателем контрольного пакета? Теневым владельцем? Человеком, на котором завязаны все финансовые потоки? Марк не спрашивал. Если Штерн захочет, он расскажет сам. Если нет — Марк узнает это в процессе расследования.

— Но вы ведь не верите в инфаркт, верно? — спросил Марк, глядя не на папку, а прямо в глаза Штерну.

Тот выдержал взгляд, но на скулах заиграли желваки. Он выдержал долгую, напряженную паузу, и тишина стала почти осязаемой, густой, как кисель. В этой тишине было слышно, как на улице, за слепым окном, каркает ворона и как тикают на стене часы, отсчитывая чужое, остановившееся время.

— Не верим, — наконец выдавил он, и в этом коротком слове прозвучало столько подавляемой ярости и страха, что Марку стало ясно: Штерн не просто представитель холдинга. Он либо лично заинтересованное лицо, либо боится за собственную шкуру. — У нас есть свои источники в бюро судебно-медицинской экспертизы. Это неофициальная информация, полученная через третьи руки, но мы уверены в ее достоверности на сто процентов. Неофициальный токсикологический анализ, проведенный лаборантом, которому заплатили отдельно, показал наличие в крови Морозова следов аконита.

Марк чуть прищурился. Аконит. Ядовитое растение. Борец. Царь-трава. Волкобой. Смерть-трава. Знания всплыли откуда-то из глубин памяти, возможно, еще с тех времен, когда он в составе спецгруппы проходил курс выживания в горно-таежной местности, и инструктор, старый прапорщик с лицом, изрезанным морщинами, как кора дерева, рассказывал им о растениях, которые могут убить. «Запомните, мужики, — говорил он, показывая на высокий стебель с синими цветами, похожими на монашеский капюшон, — это аконит. Не трогайте его, не нюхайте и упаси вас бог сунуть его в рот. Даже сок, попавший на царапину, может остановить сердце взрослого мужика за считанные минуты». Аконит — сильнейший нейротоксин, алкалоид аконитин, поражающий сердечную мышцу и центральную нервную систему. Даже малая доза вызывает аритмию, падение артериального давления, паралич дыхательного центра. Выглядит как классический сердечный приступ, особенно если жертва немолода и ведет активный образ жизни. Идеальный яд, если знать точную дозировку и способ введения. Идеальное убийство, замаскированное под естественную смерть.

— Аконит сложно достать просто так, — произнес Марк задумчиво, больше для себя, чем для собеседника. — Это не крысиный яд из хозяйственного магазина, не мышьяк, который можно купить у любого химика, и не цианид, который варят в подпольных лабораториях. Это растительный алкалоид, требующий специальных знаний для экстракции. И непросто рассчитать дозу так, чтобы симитировать естественную смерть, а не вызвать характерную картину отравления с судорогами, рвотой и агонией, которая сразу бы насторожила патологоанатома. Здесь работал профессионал. Или, по крайней мере, человек с очень специфическими познаниями в ботанике и токсикологии. Вы хотите, чтобы я нашел отравителя?

— Мы хотим, чтобы вы нашли ответы, — поправил его Штерн, и его пальцы, унизанные платиновыми перстнями, нервно забарабанили по колену. — Официальное расследование не возбудят без серьезных, железобетонных оснований. Вы же знаете нашу систему: если полиция поставила штамп «естественная смерть», переиграть это назад практически невозможно без громкого скандала. А скандала мы не хотим. Совет директоров категорически против любой огласки. Вы понимаете, «Сады Версаля» — это не просто жилой комплекс, это многомиллиардный проект, в котором завязаны деньги очень серьезных людей, в том числе, скажем так, на самом верху. Если всплывет, что первого инвестора, лицо проекта, убили с помощью экзотического яда, начнется паника. Дольщики потребуют назад свои деньги, контракты с подрядчиками полетят, акции холдинга рухнут в одночасье. Мы потеряем все. Нам нужен человек со стороны. Человек незаметный, не связанный с нами официально, умеющий копать глубоко, не боящийся испачкать руки и не задающий лишних вопросов. Человек с вашим опытом, Воронов.

Марк усмехнулся. «Незаметный». Это было мягко сказано. Он был выброшен на обочину жизни настолько, что стал почти невидимкой для тех, кто вращался в высших сферах. Идеальный инструмент: острый, опытный, не боящийся тяжелой работы и, главное, отчаянно нуждающийся в деньгах. Штерн не просто так пришел именно к нему. Они навели справки. Они знали про Алису. Знали про диагноз, знали про счета из клиник, знали про его отчаянные

попытки наскрести деньги на лечение. Эти сволочи всегда все знают. Они находят твое самое уязвимое место и бьют в него без промаха, даже не бьют — нажимают, мягко, но неумолимо.

— Гонорар? — Марк задал вопрос так же сухо, как если бы спрашивал о прогнозе погоды. Сейчас был не тот момент, чтобы демонстрировать гордость. Гордость — это роскошь для тех, кто может себе ее позволить. Он не мог. Он давно продал свою гордость, свою честь, свою совесть — все, что угодно, — в обмен на возможность видеть, как его дочь дышит, ходит, улыбается.

Штерн, наконец, открыл папку — ту самую, которую все это время держал на коленях, как драгоценность, — и выудил из нее чек. Не банковский перевод, не чемодан с наличными, а именно чек — старомодный, бумажный, с водяными знаками. Он положил его на стол и кончиками пальцев, словно боясь испачкаться о пыльную столешницу, подтолкнул к Марку. Цифра, вписанная аккуратным каллиграфическим почерком, заставила Марка на секунду задержать дыхание. Это была не просто большая сумма. Это была сумма, которая решала все. Она закрывала долги по ипотеке, по кредитам, по займам у сомнительных личностей. Она оплачивала полугодовой курс экспериментальной терапии в израильской клинике «Хадасса», той самой, о которой говорил лечащий врач Алисы с извиняющейся улыбкой, зная, что цена для обычного человека неподъемна, как Эверест. Она давала шанс. Настоящий, реальный шанс вытащить его девочку из лап болезни, которая медленно, но верно разрушала ее организм, заставляя иммунитет, этот совершенный защитный механизм, атаковать собственные здоровые клетки — почки, суставы, кожу. Марк смотрел на чек, и перед глазами стояло лицо дочери — бледное, с синевой под глазами, с потрескавшимися от постоянной лихорадки губами, но все равно самое прекрасное лицо на свете. Ее глаза, унаследованные от матери, — серые, с золотыми искорками, — смотрели на него с немым вопросом, на который он не мог ответить уже восемь лет. «Папа, когда это закончится?» Теперь у него был ответ.

Он не колебался ни секунды. Размышления о морали, о том, кто такой Морозов и за что его могли убить, о странном, почти ритуальном выборе орудия убийства — все это отошло на второй, нет, на десятый план. Выбор между жизнью дочери и потенциальной опасностью для него самого был не выбором вовсе. Это была аксиома. Данность, не требующая доказательств. Закон выживания, в котором нет места рефлексии.

— Я берусь, — сказал он, беря чек и убирая его в нагрудный карман рубашки, поближе к сердцу. — Но условия мои, и они не обсуждаются. Первое: никакого надзора с вашей стороны. Я работаю один, в своем темпе, и не отчитываюсь о каждом шаге. Мне не нужны ваши люди, которые будут дышать в затылок и докладывать совету директоров о каждом моем чихе. Второе: мне нужен полный доступ на место преступления и все материалы, которые есть у вашего человека в морге. Фотографии, результаты анализов, не только токсикологии, но и гистологии, заключение патологоанатома, протокол осмотра места происшествия. Все, что есть. И третье: что значит «странности»? Вы сказали, были странности. Кроме аконита. Я хочу знать все.

— Странность была одна, но крайне... специфическая, — Штерн поморщился, как от зубной боли, и это было красноречивее любых слов. — Когда тело обнаружила горничная, до приезда полиции и «Скорой», у Морозова в руке был зажат некий предмет. Небольшой, хрупкий. Никто из охраны или персонала не успел его забрать, полицейские эксперты тоже не сразу заметили, так как рука была согнута в локте и плотно прижата к груди, в характерной позе сердечного приступа. В отчете криминалиста этот предмет зафиксирован, но значения ему не придали. Списали на какой-то растительный мусор, случайно попавший в руку в момент смерти. Мало ли что могло прилипнуть к ладони.

Штерн полез в папку снова, и его движения стали еще более нервными, суетливыми. Он достал маленький прозрачный пакетик для вещественных доказательств, который обычно используют криминалисты для сбора микроулик. Внутри, словно крошечная экзотическая бабочка под стеклом, покоился высушенный лепесток розы. Но не обычной, не чайной, не той красной голландской, что продают в переходах метро по сто рублей за штуку. Этот лепесток был глубокого, почти черного бордового цвета — цвета запекшейся крови, цвета самого темного бархата, какой только можно вообразить. Он был бархатистый на вид, матовый, поглощающий свет. А кончик его, самый краешек, отливал в серебро, словно его окунули в жидкий металл или покрыли тончайшим слоем платины. Это была не игра природы, не случайная мутация, а результат сложной, многолетней селекционной работы. Марк таких роз никогда не видел, даже на картинках.

— Эксперты, которых мы привлекли конфиденциально, сказали, что это сорт «Папесса Иоанна», — произнес Штерн с таким выражением, будто произносил название смертельной болезни. — Очень редкий, практически штучный сорт. Выведен в конце девяностых в частном французском питомнике «Розерай де л'Эклюз», стоит баснословных денег, сравнимых со стоимостью хорошего автомобиля. Цветет раз в год, в июне, очень капризен в уходе. В нашем климате в открытом грунте расти не может, слишком чувствителен к перепадам температур и влажности. Это исключительно оранжерейное растение. Но, как выяснилось, один экземпляр, один-единственный куст, существует в частном Ботаническом саду, принадлежащем благотворительному фонду «Эдем». Это здесь, в городе, на окраине, в промзоне.

Марк взял пакетик двумя пальцами, стараясь не сжимать слишком сильно, чтобы не повредить хрупкий лепесток. Он был невесомым, почти эфемерным, как кусочек дорогой ткани. Плевать он хотел на цветочки. Всю свою сознательную жизнь он презирал эту ненужную, на его взгляд, науку, все эти тычинки и пестики, классификации, латинские названия, которые невозможно выговорить с первого раза. В школе по биологии у него была твердая, уверенная тройка, натянутая учительницей из жалости. Ботаника ассоциировалась у него с пыльными гербариями, засушенными листьями, пересыпанными нафталином, скучными лекциями под монотонный голос преподавателя и чудаковатыми очкариками в белых халатах, которые больше любят растения, чем людей. Он всегда считал, что цветы — это бесполезная красота, созданная для развлечения богатых бездельников. И теперь какой-то сухой лепесток, какая-то мифическая «Папесса», должен стать ключом к делу? Ирония судьбы была горькой, как настойка аконита. Судьба словно смеялась над ним, заставляя погрузиться в тот мир, который он всю жизнь избегал.

— Круг подозреваемых у вас есть? — спросил Марк, возвращая пакетик, но Штерн отрицательно покачал головой, мол, это теперь ваша забота.

— Круг широк, как и список врагов Морозова. Он был акулой бизнеса. Жесткой, беспринципной, зубастой. Он не гнушался ни рейдерскими захватами, ни недружественными поглощениями, ни судебными тяжбами, в которых побеждал благодаря лучшим адвокатам. Его ненавидели конкуренты, его боялись партнеры, его проклинали обманутые дольщики. Но это все — верхушка айсберга, деловая часть жизни. Аконит и эта чертова роза... это что-то из другой оперы. Это что-то глубоко личное, интимное, почти ритуальное. Это не просто убийство, это послание. Или месть. Или искупление. Кто мог желать ему смерти так изощренно, так театрально? Мы не знаем. Возможно, старая любовница, которую он бросил. Возможно, деловой партнер, которого он разорил и довел до самоубийства. Возможно, кто-то из прошлого, о котором мы ничего не знаем. Разберитесь, Воронов.

Штерн ушел так же внезапно, как и появился, оставив после себя только слабый, почти неуловимый запах дорогого парфюма — что-то с нотами сандала и ветивера, — и пластиковую папку со скучными, но убийственными фактами. Марк остался сидеть в гулкой тишине своего кабинета. За окном начинал моросить мелкий, противный дождь, барабанил по жестяному отливу с той монотонной размеренностью, которая способна свести с ума за пару часов. Запах больницы из ящика стола, казалось, усилился, смешиваясь теперь с ароматом денег, которые физически жгли грудь сквозь тонкую ткань рубашки. Он достал чек, еще раз внимательно посмотрел на сумму, словно боясь, что она исчезнет, растворится в воздухе, окажется миражом, и убрал обратно в карман, застегнув его на пуговицу для надежности.

Итак, Глеб Игоревич Морозов, акула капитализма, строительный магнат, человек, одно имя которого открывало любые двери в этом городе, мертв. Отравлен в собственном элитном пентхаусе, в двух шагах от охраны, камер наблюдения и систем безопасности стоимостью в несколько миллионов долларов. В крови — аконит, яд, пришедший из средневековых легенд, из арсенала отравителей времен Борджиа и Медичи. В руке — лепесток розы ценой в небольшую квартиру, сорта, названного в честь Папессы Иоанны, легендарной женщины, якобы занимавшей папский престол в девятом веке. Картина, достойная кисти сумасшедшего художника-символиста. Мозаика, в которой Марку предстояло найти недостающие фрагменты и сложить их в единое целое. Он ненавидел такие дела. Слишком много театральщины, слишком много намеков, слишком много ботвы. Он привык к прямым выстрелам, к явным, незамутненным мотивам: деньги, власть, ревность, страх. Все просто и понятно. А тут — цветочки. Чертовы цветочки.

Марк тяжело вздохнул, провел ладонью по лицу, чувствуя под пальцами жесткую щетину, и заставил себя открыть папку. Нужно было изучить личность жертвы, погрузиться в его биографию, понять, что это был за человек. Фотографии Морозова — официальные, из корпоративных буклетов. Холеное лицо с крупными, породистыми чертами, уверенный, даже нагловатый взгляд человека, привыкшего побеждать, дорогие часы на запястье, сверкающие золотом и бриллиантами. Биография, типичная для человека, поднявшегося в девяностые: комсомольский активист, затем кооператор, затем бизнесмен, затем владелец заводов, газет, пароходов. Ничего лишнего, никаких скандальных подробностей — все в рамках закона, по крайней мере, на бумаге, где концы спрятаны в воду, а свидетели давно разъехались по миру или переселились на кладбища. Список ближайшего окружения: партнеры по бизнесу — такие же акулы, только помельче; жена — бывшая модель, теперь занимающаяся благотворительностью; двое взрослых детей от первого брака — сын-юрист в лондонском Сити и дочь, вышедшая замуж за итальянского аристократа; молодая любовница — восходящая звезда, модель и блогер; личный водитель, охрана, целый штат прислуги. Все как под копирку, стандартный набор современного олигарха.

Марк понимал, что копать нужно не в офисе, не в бухгалтерских документах и не в отчетах о прибылях и убытках. Копать нужно было там, где пересекаются две линии, две нити, ведущие к разгадке: аконит и роза. Яд и его символ. Орудие убийства и подпись убийцы. А пересекаются они в одном-единственном месте, которое назвал Штерн. Частный Ботанический сад «Эдем». Фонд «Эдем». Загадочная организация, о которой Марк раньше никогда не слышал. Название звучало как насмешка. Эдем. Райский сад, в котором, судя по всему, растет древо смерти, а змей-искуситель свил себе гнездо среди райских куш. Марк представил, как войдет туда, в это царство хлорофилла и фотосинтеза, где воздух влажен и наполнен тяжелым, сладким запахом земли и цветов, где под стеклянными куполами оранжерей царит вечное лето, и его передернуло от омерзения. Терпеть не может ботаников. Этих тихих, погруженных

в себя людей, которые способны различать сотни оттенков зеленого и знают латынь лучше, чем родной язык. Они казались ему существами с другой планеты, инопланетянами, случайно затесавшимися в человеческое общество. Их мир был упорядочен и понятен им одним, полный скрытых смыслов, символизма и смертельных опасностей, спрятанных за красивым цветением. Взять тот же аконит. Красивый синий цветок, похожий на шлем римского воина, и он же — один из самых страшных ядов в истории человечества, упоминаемый еще в древнегреческих мифах. Сколько нужно знать, чтобы вырастить его, выделить чистый алкалоид, рассчитать смертельную дозу, подмешать в пищу или питье так, чтобы жертва ничего не почувствовала? Это не просто преступление. Это искусство. Мрачное, извращенное искусство убивать при помощи красоты.

Убийца — кто-то из этого мира. Это было очевидно, как белый день. Кто-то, кто разбирается в ботанике на профессиональном, даже экспертном уровне. Садовник, селекционер, ученый-ботаник, фармацевт, ландшафтный дизайнер. Кто-то, кто имеет доступ и к ядовитому растению, и к этой дурацкой розе «Папесса Иоанна», которая растет в единственном экземпляре во всем городе. Или тот, кто просто знает, где их взять, и у кого есть ключ от оранжереи. Круг сужается до сотрудников «Эдема» и их ближайшего окружения. Марк закрыл папку, чувствуя, как в висках начинает пульсировать тупая, знакомая боль — предвестник мигрени. Размышлять дальше не имело смысла, не имея на руках исходных данных, не увидев место преступления и не поговорив с людьми. Нужно было ехать в «Эдем», посмотреть на этих любителей флоры, нюхать их драгоценные цветочки и задавать неудобные вопросы. Эта перспектива радовала его не больше, чем визит к стоматологу-садисту без анестезии, но выбора не было. Вернее, выбор был, но он был сделан в ту самую секунду, когда он увидел сумму на чеке.

Он встал, чувствуя, как затекли ноги и спина, надел свою неизменную черную кожаную куртку — достаточно потертую, чтобы не привлекать внимания, но еще крепкую, способную выдержать и ветер, и дождь, и, в случае чего, скользящий удар ножом. Сунул в карман телефон, бумажник с жалкими остатками наличных и чеком, который теперь был дороже всего, что он имел, и ключи от старого, но надежного внедорожника «Тойота Ленд Крузер», прошедшего с ним огонь, воду и медные трубы. Перед уходом он запер ящик стола с анализами Алисы на ключ, машинально проверил, надежно ли защелкнулся замок. В этом машинальном, доведенном до автоматизма жесте была вся его жизнь: запереть, спрятать боль, заслонить ее собой, сделать вид, что все в порядке. Выйдя на лестничную клетку, где пахло кошками, жареным луком и еще чем-то неуловимо затхлым, он на секунду задержался, прислушиваясь к звукам старого дома — где-то наверху играло радио, на площадке ниже хлопнула дверь, залаяла собака. Перед внутренним взором снова встал лепесток. Бархатный, темный, с серебряным краем. Кусочек смерти, зажатый в мертвой, уже начавшей коченеть руке. Не просто улика. Подпись. Вызов. Послание, адресованное не столько самому Морозову — он-то уже мертв и ничего не прочтет, — сколько тем, кто будет расследовать его смерть. Или, может быть, обществу в целом.

Марк спустился по лестнице, шагая через две ступеньки, толкнул тяжелую, обшарпанную дверь подъезда и шагнул под морозящий дождь. Серое, низкое небо нависало над городом свинцовой крышкой, обещая затяжную, многодневную непогоду. Мелкие, холодные капли били по лицу, забирались за воротник, стекали по шее, но он почти не замечал их. Он забрался в машину, которая встретила его знакомым запахом табака, старой кожи и того особого аромата, который бывает только в автомобилях, где много курят и редко моют. Завел двигатель. Мотор заурчал ровно и успокаивающе, как старый друг, который никогда не подводит. Предстояла дорога через весь город, на окраину, в промзону, где среди бетонных коробок, складских ангаров и ржавых железнодорожных путей затерялся островок искусственной, рукотвор-

ной природы. Сад, в котором, судя по всему, созрели ядовитые плоды. Он ехал, не включая музыку и не закуривая, что было для него редкостью, прокручивая в голове возможные сценарии разговора с директором сада, с сотрудниками, зрителями, садовниками. Нужно быть осторожным, не спугнуть раньше времени. Представиться журналистом, пишущим статью о редких растениях? Инвестором, желающим вложить деньги в ботанические исследования? Просто любопытствующим, случайно забредшим в эти края? Врать он умел виртуозно, это было частью его прежней профессии, где легенда могла спасти жизнь, но сейчас ложь должна была быть особенно филигранной. Эти люди, ботаники, они как мимозы: чувствуют фальшь, как растения чувствуют недостаток света или избыток влаги.

Он вспомнил слова Штерна, брошенные вскользь, но запавшие в память: «Что-то личное». Да, убийство с таким антуражем — это не бизнес, не заказное убийство, не устранение конкурента. Это месть, это ненависть, это сведение каких-то давних, запутанных счетов, корни которых уходят глубоко в прошлое. Или любовь. Любовь, доведенная до безумия, до одержимости, тоже умеет носить маску изощренной, рафинированной жестокости. Что связывало строительного магната Морозова и тихий, оторванный от мира Ботанический сад? Какие тайны могут скрываться под стеклянными куполами «Эдема»? И какую роль во всем этом играет цветок с именем Папессы Иоанны — легендарной женщины, якобы занимавшей папский престол в Средние века, чье существование до сих пор оспаривается историками? Слишком много вопросов для человека, который еще сегодня утром не знал, чем заплатит за очередной курс иммуноглобулина для дочери.

Внедорожник, фырча и разбрызгивая лужи, свернул с оживленного проспекта на узкую, извилистую дорогу, ведущую в промзону. Пейзаж за окном резко переменялся: вместо нарядных фасадов и витрин — глухие бетонные заборы, исписанные граффити, ржавые контейнеры, горы строительного мусора и редкие, чахлые деревья, чудом выжившие в этом царстве железа и асфальта. Навигатор показывал, что до «Эдема» осталось меньше километра. Марк сбавил скорость, вглядываясь в серую пелену дождя, которая становилась все гуще. Вскоре за бетонным забором, украшенным поверху ржавой колючей проволокой, показались стеклянные купола оранжерей. Они блестели, мокрые от дождя, и были похожи на гигантские мыльные пузыри, каким-то чудом застывшие среди унылого индустриального пейзажа. Это и был вход в рай. Или в ад. Для Марка это сейчас было одно и то же.

Он остановил машину у ворот, украшенных затейливой ковкой — листьями, цветами, какими-то мифическими существами, сплетающимися в сложный, барочный орнамент, — и заглушил двигатель. Наступила тишина, нарушаемая только шумом дождя по крыше автомобиля, монотонным и убаюкивающим. Марк сидел неподвижно, собираясь с мыслями, готовясь к предстоящему разговору, к этой неизбежной встрече с миром, который он так презирал и не понимал. Терпеть не может ботаников. Но сейчас ему придется стать одним из них, влезть в их шкуру, понять их язык, их образ мыслей, их мотивацию. Ради Алисы. Ради того, чтобы у нее был шанс увидеть не только эти серые, унылые дожди, но и настоящее солнце. Ради ее будущего он был готов сделать то, чего не делал никогда в жизни: проявить терпение, сдерживать свой характер и погрузиться в ненавистный, но, как выяснилось, смертельно опасный мир ботаники. Он глубоко вздохнул, взял с пассажирского сиденья папку Штерна, открыл дверцу и шагнул в промозглую сырость навстречу царству растений, ядов и тайн. Впереди его ждал Эдем, и Марк еще не знал, что из этого сада не всем суждено выйти живыми.

Глава 2. Девушка, которая разговаривает с растениями

Дорога до Ботанического сада «Эдем» заняла у Марка больше времени, чем он рассчитывал. Город, зажатый в тисках вечерних пробок, не желал отпускать его легко. Внедорожник полз в плотном потоке машин, дергаясь в такт нервным сигналам клаксонов, и Марк, стиснув зубы, смотрел на серую морось, заливавшую лобовое стекло. Дворники работали в монотонном ритме, размазывая грязь по стеклу, и этот звук — вжик-вжух, вжик-вжух — действовал на нервы. Он думал об Алисе. О том, как вчера вечером она уснула, положив голову ему на плечо, и ее дыхание было таким тихим, таким слабым, что он боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть этот хрупкий покой. Он думал о чеке, который лежал в нагрудном кармане, и о том, что теперь у него есть реальный шанс. Но вместе с надеждой пришла и тревога — та самая, профессиональная, которую он привык глушить годами, но которая сейчас, перед входом в незнакомый мир, обострилась до предела.

Ворота «Эдема» выглядели чужеродно среди окружающего индустриального убожества. Кованые створки, изображавшие переплетение райских деревьев, змея и плодов, были приоткрыты, словно приглашая войти. Никакой охраны на проходной Марк не заметил — маленькая будка пустовала, и это показалось ему странным. Он толкнул створку, и она поддалась с тихим, мелодичным скрипом, словно где-то в глубине сада пропел колокольчик. За воротами открывался мир, который Марк ожидал увидеть меньше всего. Он предполагал запустение, учитывая, что сад находился на окраине и явно не принимал толп туристов. Но реальность превзошла все его представления.

«Эдем» оказался не просто садом. Это был целый лабиринт из стеклянных куполов, соединенных крытыми галереями, альпийских горок, засаженных карликовыми соснами, и прудов, поверхность которых, несмотря на дождь, оставалась зеркально гладкой. Где-то в глубине сада журчал фонтан, и звук падающей воды смешивался с шорохом дождя и отдаленным пением птиц — живых, не записанных на пленку. Марк шел по мощеной дорожке, огибая заросли каких-то гигантских лопухов, листья которых напоминали зонтики, и чувствовал себя Гулливером, попавшим в страну великанов. Влажный воздух был тяжелым, насыщенным кислородом и ароматами, которых он не мог идентифицировать. Пахло сладко, пряно, немного гнилостно — этот сложный, многослойный букет кружил голову и вызывал смутное беспокойство.

Он миновал несколько оранжерей, заглядывая в стеклянные двери. В одной росли орхидеи — сотни, тысячи орхидей, чьи причудливые цветы напоминали лица насекомых. В другой, судя по табличке, располагалась коллекция суккулентов — мясистых, уродливых, похожих на камни растений. В третьей буйствовали тропические лианы, свисавшие с потолка, как зеленые змеи. Но нигде не было людей. Сад казался безлюдным, заброшенным, и это безлюдье посреди буйства жизни создавало гнетущее, почти мистическое ощущение. Марк продолжал идти, пока не уперся в самую дальнюю оранжерею, стоявшую особняком, в конце узкой дорожки, усыпанной гравием. Она была меньше других, но выглядела старше — стекла местами запотели, а металлический каркас покрывала благородная ржавчина. На двери висела табличка, выведенная от руки каллиграфическим почерком: «Папоротники. Редкие виды. Вход только для сотрудников».

Марка никогда не останавливали таблички. Он толкнул дверь, и она открылась с тяжелым, влажным вздохом. Внутри царил зеленый полумрак. Свет, проникавший сквозь запотевшие стекла, рассеивался в водяной пыли, висевшей в воздухе, и казалось, что пространство оранжереи наполнено изумрудным туманом. Всюду, от пола до потолка, росли папоротники. Не те чахлые комнатные растения, что пылятся на подоконниках присутственных мест, а настоящие, древние, первобытные. Их вайи — огромные, перистые, похожие на гигантские перья неведомых птиц — свисали отовсюду, образуя сплошную стену зелени. Некоторые листья были такими широкими, что напоминали лопасти вертолета, другие — тонкими и кружевными, как венецианское стекло. Воздух здесь был еще более влажным, почти тропическим, и пахло прелой листвой, сырой землей и чем-то неуловимо древним, как в старом лесу.

И посреди этого зеленого царства, на маленьком раскладном стульчике, спиной к двери сидела девушка. Марк замер на пороге, пытаясь осмыслить увиденное. Она не заметила его вторжения — или не подала виду. Она была полностью поглощена своим занятием, и это занятие было настолько абсурдным, что Марк на секунду решил, что у него галлюцинации от влажного воздуха.

Девушка читала лекцию. Вслух. Папоротникам.

— ...таким образом, дорогие мои, классификация Линнея, при всем моем уважении к великому шведу, совершенно не учитывает генетического родства между вашими семействами. Взять хотя бы род *Asplenium* — вы только посмотрите на это безобразие, когда селезеночник обыкновенный оказывается в одной группе с костенцом северным исключительно на основании формы сорусов! Это же вульгарный морфологизм, прости господи. Вы заслуживаете лучшего, и вы это знаете.

Голос у нее был низкий, с хрипотцой, совершенно не вязавшийся с хрупкой фигурой. Она говорила с папоротниками так, как разговаривают с непослушными, но любимыми учениками — строго, но с теплотой. Марк стоял столбом, чувствуя, как вода с его ботинок растекается по каменному полу грязными лужицами. Его берцы, выдавшие и чеченскую грязь, и болота Припяти, оставляли на полу оранжереи отвратительные разводы, и это было первое, на что обратила внимание девушка.

Она замолчала на полуслове. Ее спина напряглась, но она не обернулась. Вместо этого она медленно, почти лениво подняла руку и поправила прядь волос, выбившуюся из небрежного пучка на затылке. Волосы у нее были странного, пепельного оттенка — не седые, но словно припорошенные пылью, и Марк подумал, что она, должно быть, альбинос. Или крашенная. Или сумасшедшая. Последнее казалось наиболее вероятным, учитывая, что она читала лекцию растениям.

— Во-первых, — произнесла она, не оборачиваясь, и ее голос прозвучал сухо, как треск ломающейся ветки, — в этой оранжерее не принято ходить в уличной обуви. Тем более в той, в которой вы, судя по запаху, только что обошли все лужи промзоны. Во-вторых, если вы ищете туалет, то он в административном корпусе. В-третьих, если вы заблудились, то вам следовало оставаться за воротами. Сад закрыт для посетителей. А теперь, будьте так любезны, покиньте помещение, пока вы не занесли сюда споры какого-нибудь грибка, с которым мне потом придется воевать неделями.

Марк открыл рот, чтобы ответить, но она его опередила. Она, наконец, повернулась, и он увидел ее лицо. Оно было бледным, с острыми скулами и высоким лбом, а глаза — светло-серые, почти прозрачные, как вода в горном ручье, — смотрели на него с выражением холодного, оценивающего любопытства. В этом взгляде не было страха, не было удивления, не было женского кокетства. Был только холодный, почти научный интерес, какой бывает у энтомолога, рассматривающего новый вид жука. Она смотрела на него так, словно видела насквозь, и это ощущение ему крайне не понравилось.

— О, — сказала она, и в ее голосе появилась новая нота — легкая, едва уловимая насмешка. — Так вы не заблудились. Вы — по мою душу. Как интересно. А я-то думаю, почему у моих адиантумов с утра такое настроение. Они чувствуют агрессию за версту. Садитесь, раз уж пришли. Только ботинки снимите, умоляю.

Она указала на второй складной стульчик, стоявший у стены, заваленной какими-то справочниками. Марк продолжал стоять. Он чувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Эта «фитоняшка», как он мысленно ее окрестил, вела себя так, словно это он был здесь гостем, а она — хозяйкой положения. И она читала лекцию папоротникам! Это же клинический случай, а не человек. Но он пришел сюда за информацией, а не для того, чтобы вступать в дискуссии с сумасшедшими. Он сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться, и заставил себя снять ботинки. Шнурки были мокрыми и непослушными, и он провозился с ними дольше, чем хотелось бы, чувствуя на себе ее ироничный, изучающий взгляд. Оставшись в носках, он прошел внутрь и сел на стул, который жалобно скрипнул под его весом.

— Меня зовут Марк Воронов, — начал он, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально. — Я частный детектив. Расследую смерть Глеба Морозова. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Она не представилась в ответ. Вместо этого она склонила голову набок, как птица, и снова окинула его тем самым сканирующим взглядом. Молчание затянулось. Марк уже хотел повторить вопрос, когда она заговорила снова, и ее слова заставили его кровь закипеть.

— Частный детектив, — протянула она задумчиво, словно пробовала это слово на вкус. — Нет, не совсем так. Если уж быть точными, вы — полицейская ищейка на пенсии. Бывший военный, я полагаю. Правая рука повреждена — видно по тому, как вы держите плечо, когда думаете, что никто не смотрит. Вы курите — запах въелся в куртку, хотя сейчас вы, вероятно, пытаетесь бросить, потому что от вас пахнет никотиновым пластырем. Вы пьете по вечерам. Не запоями, но регулярно. Что-нибудь крепкое, скорее всего — дешевый коньяк, судя по характерной сетке на носу. И вы отчаянно, до дрожи, нуждаетесь в деньгах. Я права?

Марк замер. Его лицо окаменело. Каждое ее слово било точно в цель, как отточенный клинок. Она вскрыла его, как консервную банку, за какие-то десять секунд, даже не прикасаясь. Она прочитала его, как читают книгу — бегло, но схватывая суть. Ищейка на пенсии. Дешевый коньяк. Сетка на носу. Да кто она такая, черт возьми?

— Это не ваше дело, — процедил он сквозь зубы. — Я здесь по поводу Морозова. Он был отравлен аконитом. Аконит растет в вашем саду. Я хочу знать, кто имеет к нему доступ.

Девушка тихо, почти беззвучно рассмеялась. Это был не веселый смех, а скорее короткий, сухой выдох, выражающий крайнюю степень презрения.

— Аконит, — повторила она, и теперь ее голос стал ледяным. — Аконит. Ну конечно. Вы, полицейские, все одинаковы. Находите первое попавшееся растение из списка «самых ядовитых» и думаете, что раскрыли дело. Вам не приходило в голову, что ваша версия рассыпается, как карточный домик, при малейшем столкновении с фактами?

Она встала. Винтажное платье, которое он только сейчас разглядел — темно-зеленое, с узором из листьев, явно сшитое на заказ или найденное в каком-то антикварном сундуке, — струилось вокруг нее, делая ее похожей на древесную нимфу из старых сказок. Она подошла к одному из папоротников и нежно, почти материнским жестом, поправила его вайю.

— Аконит не убивает за час, — сказала она. — Это азбука, мистер частный детектив. Это вам не цианид, не стрихнин и не кураре. Аконитин, алкалоид аконита, действует быстро, да. Симптомы — жжение во рту, онемение, тошнота, замедление пульса — появляются в течение десяти-пятнадцати минут после приема. Но смерть, если она наступает, наступает не мгновенно. От двух до шести часов, в зависимости от дозы и индивидуальной чувствительности. Иногда — до суток. Вы же, судя по всему, полагаете, что он принял яд и сразу умер? Романтически, но глупо. Протокол осмотра места происшествия вы читали? Во сколько Морозов ужинал? Во сколько была обнаружена смерть? Кто был с ним в эти часы? Вы задали себе эти вопросы? Нет. Вы просто пришли в сад, чтобы найти «ведьму, которая варит яды», верно?

Марк сидел, ошарашенный. Он не ожидал такого отпора. Она была совершенно права. Он погнался за самой очевидной ниточкой, даже не удосужившись проверить базовые факты. Два часа? Шесть часов? Сутки? Он не знал этого. Он помнил инструктаж прапорщика в тайге, но тот не читал им лекций по токсикологии, он просто говорил: «Не трогайте, мужики, убьет». И Штерн ничего не сказал о времени смерти. Марк был так ослеплен чеком, надеждой, страхом, что совершил ошибку, непростительную для профессионала.

— Я... — начал он, но она снова его перебила.

— Вы даже не знаете, в каком виде был введен яд, — продолжала она, и ее прозрачные глаза сверкнули гневом. — Экстракт? Настойка? Высушенные листья, добавленные в пищу? Каждый способ имеет разную скорость всасывания, разную биодоступность. Аконит можно ввести внутривенно — тогда смерть наступит быстрее. Можно перорально — тогда медленнее. Можно трансдермально, через кожу. Вы знаете, что алкалоиды аконита способны проникать через слизистые оболочки? Вы это учитывали? Или вы думали, что найдете здесь казан с кипящим зельем, и дело раскрыто?

Она остановилась прямо перед ним, скрестив руки на груди. Ее лицо, бледное и острое, было всего в полуметре от его лица. От нее пахло не духами, а чем-то зеленым — то ли мятой, то ли можжевельником. И этот запах, чистый и резкий, странно контрастировал с затхлостью оранжереи.

— Ваша бывшая работа видна за версту, — сказала она уже тише, но от этого еще более уничтожающе. — Как и ваше невежество. Вы привыкли к простым делам: муж убил жену из ревности, брат застрелил брата из-за наследства, наркодилер не поделил территорию. Там все ясно, все лежит на поверхности. Но здесь — другой мир. Здесь все сложнее. И если вы хотите найти убийцу Морозова, вам придется научиться думать, а не просто брать след.

Марк вскочил. Стул под ним опрокинулся, с грохотом упав на каменный пол. Ярость застала его глаза красной пеленой. Какая-то девчонка, «фитоняшка» в дурацком винтажном платье, читающая лекции папоротникам, смеет учить его, майора спецназа ГРУ в отставке, расследовать преступления? Да кто она вообще такая? Что она знает о смерти? О настоящей смерти, а не о той, что описана в ее ботанических учебниках? Она видела, как умирают люди? Держала за руку умирающего друга? Вытаскивала из-под обстрела раненых товарищей? Она, со своими папоротниками и теориями, даже близко не стояла к тому миру, в котором жил он.

— Вы не знаете, о чем говорите, — прорычал он. — Вы сидите здесь, в своем стеклянном пузыре, и рассуждаете о ядах, как о чем-то абстрактном. А там, снаружи, люди умирают по настоящему. И я найду того, кто это сделал, с вашей помощью или без нее.

Он шагнул к ней, но она не отступила. Она стояла, как вкопанная, и смотрела на него снизу вверх — она была ниже его почти на голову — с выражением холодного превосходства. Ни капли страха. Ни тени сомнения. Только стальной, непоколебимый взгляд.

— Я знаю больше, чем вы можете себе представить, — ответила она. — Но я ничего не скажу человеку, который врывается в мой дом в грязных ботинках, хамит и пытается давить авторитетом. Уходите. Когда будете готовы разговаривать как цивилизованный человек, а не как неандерталец с дубиной, — тогда и приходите.

Она повернулась к нему спиной и сделала шаг в сторону своих папоротников. Абсолютное, ледяное равнодушие. Это было последней каплей. Марк, кипя от бешенства, подхватил свои ботинки и, не обуваясь, вышел из оранжереи. Дверь за ним захлопнулась с влажным чмокающим звуком. Он стоял на дорожке, под морозящим дождем, в одних носках на мокром гравии, сжимая в руках тяжелые берцы, и чувствовал, как ярость уступает место горькому, унижительному осознанию.

Она выставила его за дверь. Его, Марка Воронова. Как нашкодившего школьника. Как щенка, ткнув носом в лужу. И что самое отвратительное — она была во многом права. Он пришел неподготовленным. Он погнался за легкой добычей. Он позволил эмоциям взять верх над разумом. «Полицейская ищейка на пенсии, которая пьет по вечерам». Эта фраза, брошенная с такой убийственной небрежностью, засела в нем, как заноза. Она была унижительной, но она была правдой. И от осознания этой правды становилось ещё тошнее.

Он обулся, стоя под дождем, и его носки, уже промокшие насквозь, противно хлюпали. Он достал из кармана мятую пачку сигарет, которую носил с собой скорее по привычке, чем из реальной потребности, и закурил, жадно затягиваясь. Дым смешался с влажным воздухом и тут же растворился. Он смотрел на стеклянные купола оранжерей, отражавшие серое небо, и думал о том, что эта девушка — не просто сумасшедшая. Она знает что-то. Что-то важное. И она не сказала ни слова в свое оправдание, не пыталась отрицать, что аконит растет в саду, не стала звать охрану. Она просто уничтожила его интеллектуально, как энтомолог прикалывает булавкой редкого, но глупого жука, и отпустила восвояси.

Он пытался восстановить в памяти каждое ее слово. «Азбука». «Аконитин». «От двух до шести часов». «Трансдермально». «Биодоступность». Откуда она все это знает? Изучала токсикологию? Или это стандартные знания для ботаника ее уровня? И почему она вообще оказалась здесь, в заброшенном саду, одна, читающая лекции папоротникам? Что это — чудачество гения или симптом глубокого душевного расстройства? Марк не знал ответов. Но он

знал, что вернется сюда. Вернется, вооруженный фактами, цифрами, протоколами вскрытия, и заставит ее говорить. Чего бы это ни стоило.

Он бросил окурок в лужу и зашагал к выходу. Где-то в глубине сада снова запела птица — одинокая, невидимая, — и ее трель звучала насмешливо. Марк не оборачивался. Он шел, глядя прямо перед собой, и в его голове уже зрел новый план. Он изучит все. Он узнает об аконите больше, чем она сама. Он станет экспертом, которого она не сможет упрекнуть в невежестве. А потом он вернется и заставит ее уважать себя.

Но даже сквозь злость и решимость его не покидало смутное, почти неуловимое чувство. Она была красива. Не той стандартной, глянцевої красотой, которую он привык видеть на обложках журналов — красотой его бывшей жены, красотой любовницы Морозова с ее накачанными губами и искусственным загаром. Нет, в ней была другая красота — странная, дикая, неудобная. Красота редкого, ядовитого цветка. И это сравнение, пришедшее ему в голову, заставило его поморщиться. Он начинал думать метафорами. Этого еще не хватало. Сначала цветочки, потом папоротники, а скоро он сам начнет с ними разговаривать. Он ускорил шаг. Нужно было выбираться из этого проклятого Эдема, пока он окончательно не свихнулся.

Глава 3. Отравленная пыльца

Три дня превратились для Марка в бесконечную, изматывающую гонку. Он почти не спал, забывал есть и пил кофе литрами — тот самый, дешевый, растворимый, запах которого намертво въелся в обивку его офисного кресла. Все это время он провел, зарывшись в книги, статьи, научные публикации и отчеты о токсикологических экспертизах, которые ему удалось добыть через старые связи в ведомствах. Он изучал аконит с дотошностью, которой сам от себя не ожидал. Он выучил его латинские названия — *Aconitum napellus*, *Aconitum ferox*, *Aconitum scarmichaelii* — и мог теперь с ходу перечислить все известные науке алкалоиды, содержащиеся в разных частях растения: аконитин, мезаконитин, гипаконитин, напеллин. Он узнал, что корни содержат в десять раз больше яда, чем листья, что сушка снижает токсичность, но не уничтожает ее полностью, что алкалоиды аконита растворимы в спирте, но не в воде, что они блокируют натриевые каналы в клеточных мембранах, вызывая паралич дыхательной мускулатуры. Он стал экспертом по яду, который еще неделю назад не смог бы отличить от безобидного лютика. И все это время его не покидало чувство жгучего, почти детского стыда. Та девушка из оранжереи была права. Абсолютно, до отращения права. Он пришел к ней неподготовленным дилетантом, быком на корриде, и получил по заслугам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.